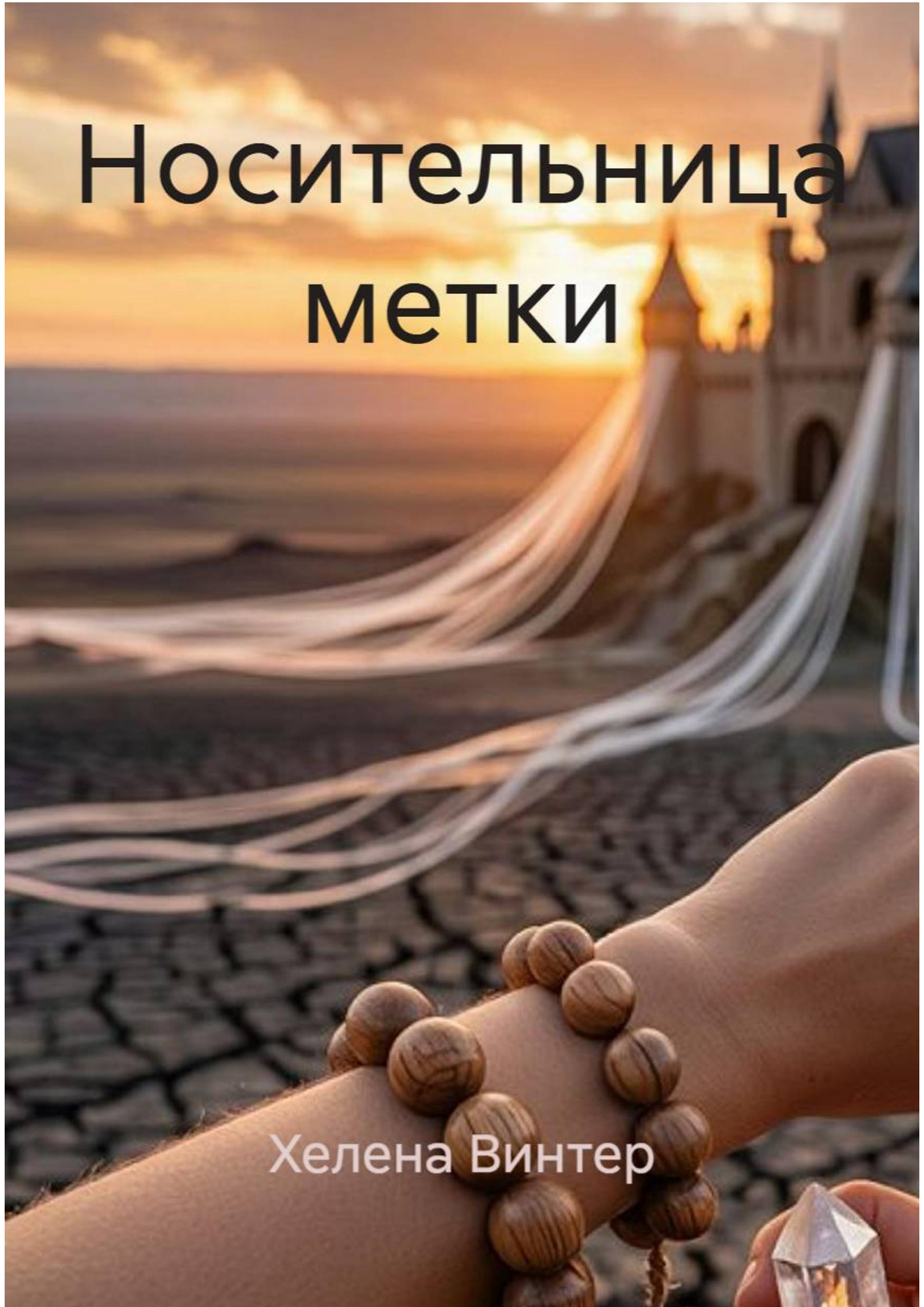

Носительница метки

Хелена Винтер

Хелена Винтер

Носительница метки

«Автор»

2026

Винтер Х.

Носительница метки / Х. Винтер — «Автор», 2026

«Тому, кто наденет, — дверь. Тому, кто снимет, — долг». Лира думала, что деревянная бусина на её запястье — просто память о бабушке. Костиэль считал свой внутренний Кристалл лишь наследием тёмной крови. Но когда белые нити чужой магии оплели замок и потянулись к выжженной пустоши Гарь, старые печати начали просыпаться. Голос, звучащий как зов давно умершей бабушки. Следы на песке, которые не ведут обратно к реке. И дверь под мёртвым дубом, которая открывается только для тех, кто готов платить. Чтобы выжить, им придется довериться друг другу, ведь снявший печать всегда платит не один. Продолжение книги "Практикантка для темного эльфа", вторая книга из трилогии

© Винтер Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тихий лес	5
Глава 2. Печать	8
Глава 3. Бусина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Хелена Винтер

Носительница метки

Глава 1. Тихий лес

Дорога до замка Тёмного Леса летом оказалась неприлично скучной.

Лира привыкла к другому: к тому, что лес смотрит в спину, что под деревьями темнеет раньше, чем садится солнце, что дорога то и дело ныряет в сумрак, где и собственная тень кажется чужой. В первый раз она шла здесь настороже — как и положено идти к тёмному эльфу, который тебя не ждал.

Теперь Тёмный Лес был просто лесом. Пахло нагретой хвоей, смолой и пылью; над лужами вились комары; в ветвях ругалась какая-то пичуга, которой мешали жить. Серебристая кора на солнце светилась так, что глазам становилось больно. Днём лес был зелёным, тёплым и шумным. Лира шла и ждала подвоха. Подвоха не было, и от этого ныло под ложечкой сильнее, чем от любой нечисти.

Мурзик на её плече не находил себе места: вертелся, вставал на задние лапы, тянул носом воздух, потом прижимался к её шее и попискивал — тихо, недовольно.

— Если ты голодный, имей в виду, — предложила Лира. — Пирожки кончились вчера.

Мурзик фыркнул с презрением. Пирожки его не интересовали вовсе — он таскал их исключительно из принципа. Он снова посмотрел в глубину деревьев, и хвост у него пошёл из стороны в сторону, как у кошки перед прыжком.

— Ну?

Ничего. Он вообще не говорил, как положено фамильярам. У него были писк, шипение, хвост и глаза, и всеми четырьмя он умел сказать многое, но обычно это многое сводилось к «дай», «моё» и «он мне не нравится». Сегодняшнее «слово» в его словаре было новым.

Плечо к вечеру онемело.

Замок был на своём месте. Чёрный камень, гладкий, будто отполированный веками; серебристые нити, в которых и вправду не угадывалось ничего человеческого; шпили, закрученные спиралями, тонкие, как клинки, и между ними — мосты, днём похожие просто на тень. Всё было как она помнила. Солнце здесь ничего не меняло, оно только делало тени длиннее.

Не было одного. Стены не дышали.

Раньше камень поднимался и опадал — медленно, глубоко, как спина спящего дракона. Сколько бы Лира над собой ни подшучивала, она к этому привыкла и почти перестала замечать. Теперь стены стояли ровно, и в этой неподвижности было столько же смысла, сколько в остановившихся часах.

Мурзик вцепился ей в мантию и прижал уши.

— Я тоже переживаю, — сказала Лира. — Идём.

Двери открылись сами. Без скрипа, без натуги, плавно, как занавес.

Мыкола стоял на пороге, будто ждал её здесь с самого рассвета. Такой же: маленький, лохматый, в жилете не по росту, с бородой, в которой застряла соломина, и глазами как плоски. Только под глазами у него лежали тени, а мука на фартуке была не сегодняшняя.

— Ты, — сказал он.

— Здравствуй, Мыкола.

— Идём. Есть будешь потом. — Он повернулся и пошёл вглубь, не оглядываясь, — так ходят те, которым проще идти, чем разговаривать.

Лира пошла за ним.

— Что с ним? — спросила она на середине зала.

Домовой ответил не сразу. Поскрёб бороду, выудил соломинку, посмотрел на неё и бросил на пол.

— Ест мало, — сказал он наконец. — Спит не тогда, когда надо. В подвал ходит каждый день, сидит там, свечей не просит. — Он посмотрел на дверь в глубине зала. — И ни разу за месяц не сказал мне, что всё хорошо. А он всегда говорит.

— Всегда?

— Ага. — Мыкола хмыкнул, без всякой радости. — «Всё хорошо, Мыкола, ступай спать». Дурак гордый.

— Ты с ним пробовал говорить?

— Пробовал. — Домовой пожал плечами. — Он вежливый. Спросишь — ответит. А что ответит, то и сам не знает: говорит одно, а глаза у него на другое смотрят. Сама спроси, тебе он скажет больше.

Костиэль вышел из глубины замка.

Шагов она не услышала — она никогда их не слышала. Просто в зале стало чуть темнее, будто кто-то задул свечу у неё за спиной, и Лира обернулась.

Он шёл быстро и держался прямо, как всегда. Похудел только. И кожа — та всегдашняя бледность тёмного эльфа, которая в полумраке казалась свечением, — сделалась другой: не светящейся, а выцветшей, будто краску смыли.

— Ты приехала, — сказал он.

— Приехала. — Лира улыбнулась. — Ты в письме обещал ворчащего домового и хорошую еду. Первое вижу. Второе, судя по всему, ждёт.

— Второе будет. Он обидится, если не съешь две порции.

Он подошёл и взял её руку — коротко, привычно, будто имел на это право уже давно. Пальцы у него были холодные. Лира посмотрела на его запястье, потом на лицо; он заметил и руку убрал.

— Стены стоят, — сказала она. — Я думала, мне кажется с дороги.

— Не кажется.

— Почему?

— Замку нечем дышать. — Он сказал это так же ровно, как говорил про домового и провизию. — Он дышит, пока у меня в груди покой. С весны у меня этого покоя нет.

— Ты поэтому не написал?

— Я написал не всё, чтобы тебя не тревожить.

— Где Фейн? — спросила она, чтобы что-то спросить.

— В деревне. Ушёл за провизией. — Костиэль помолчал. — Мыкола говорит, он ест за троих и шутит за пятерых. Это утомляет.

— Зато весело.

— Это он тоже говорит.

Мыкола за её спиной вздохнул так, что стало ясно: он слышит это с утра до ночи.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Костиэль. — Пока светло.

— В подземелье?

Он повернулся. Лира пошла за ним, Мыкола остался у двери, а Мурзик перебрался с её плеча на плечо Костиэля и по дороге даже ни разу не показал язык.

Внизу всё было как в прошлый раз: холодные плиты, факелы без огня и без дыма, воздух, пахнувший временем. Пентаграммы, которую Лира закрыла, не было. Осталось влажное пятно, которое почему-то не сохло.

А от пятна по камню шли нити.

Тонкие, белые, чуть светящиеся. Они расползались по плитам, как изморозь по стеклу; взбирались на стену; раздваивались, обходя швы кладки; и уходили вверх — туда, где конча-

лись подвалы и начинался лес. Лира присела на корточки и подержала ладонь над одной из них. Гарью не пахло и землёй не пахло. Пахло чистым холодом — как от колодца в жаркий полдень.

— Четыре недели назад они появились, — сказал Костиэль. — Сначала одна. Я думал, трещина в кладке.

— Это не трещина.

— Я знаю. Я пробовал её срезать. К утру она вернулась. И появилась вторая.

— Чем срезал?

— Клинком. — Он поморщился. — Порез затянулся, как вода на речной глади.

Лира выпрямилась.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказала она. — Ты написал, что Кристалл не спит и чего-то ждёт. Ты не написал, что он чего-то ждёт уже у тебя в подвале.

— Это одно и то же.

— Это не одно и то же, — сказала Лира. — Ты можешь сказать, что чувствуешь. Ты за полгода не написал мне правды, которая тебе не нравилась.

— Да, — сказал он. — Теперь я могу тебе всё показать.

Лира коснулась нити пальцем.

Отозвалось раньше, чем она успела подумать: то же самое чувство, что было здесь ночью у пентаграммы. Только тогда в образах была просьба, а теперь — ничего похожего. Просто присутствие. Что-то здесь было, оно знало, что она пришла, и поворачивалось к ней, как поворачиваются на голос.

А на запястье Костиэля, под тонкой выцветшей кожей, коротко мигнуло светлое — как вздох.

Он отдернул руку. Поздно.

— Оно не ждёт, — сказала Лира.

— Что?

— Оно растёт.

— Ты говоришь про нить?

— Про то, что за ней. — Лира отняла ладонь от камня. — Я его не вижу и не слышу. Я его чувствую: как будто в комнате кто-то есть и поворачивается на голос. У тебя Кристалл отзывается так же?

— Да. — Костиэль смотрел на свою руку. — Только он не отзывается, а будто узнаёт.

— Что узнаёт?

— Место. — Он показал вдоль нитей, к щели в стене. — Он сидел у меня в груди и держал это место, поэтому мне было спокойно. Теперь не держит. И нити — это не оно.

— А что?

— Русло. — Он наклонился и провёл пальцем рядом с белой жилкой, не касаясь её. — Нити — русло, оно — вода. И вода идёт туда, где текла раньше.

— На поляну, — сказала Лира.

— На поляну.

Он больше ничего не сказал. Наверху Мыкола стукнул черпаком по стене — раз, другой, будто прогонял кого-то, — но никто ему не отозвался.

Глава 2. Печать

Костиэль долго смотрел на нити.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь пройдем по ней, — сказала Лира. — От начала до конца. Она куда-то идёт, и нужно узнать куда и зачем.

Идти пришлось немного. Нить вела не вверх, как показалось сначала, а к стене — той, что выходила на лес. У самого её основания, где камень был теплее, чем полагается подвальному камню, нити собирались в пучок, уходили в щель между блоками и пропадали. Лира приложила к стене ладонь. За стеной был лес: сухой, тёплый, шумный от птиц.

— Оно тянет не вверх, — сказала она. — Оно тянет наружу. Туда, где лежало.

— У него там будто гнездо, — сказал Костиэль.

— Гнездо. — Лира отняла ладонь. — Хорошее слово. Ты чувствуешь, куда?

— Чувствую. — Он не сразу подобрал слова. — Как будто во мне встроенный компас: кто-то направляет меня изнутри. Не больно и не страшно. Просто я теперь всегда знаю, где у меня юг.

— Ты раньше об этом не говорил.

— Раньше не было повода. — Он посмотрел на нить под их ногами. — И мне это не нравится. Лучше не чувствовать того, что внутри меня.

Лира достала кольцо.

Серебро в свете факелов казалось почти чёрным — как в то утро на поляне. Гравировка шла по ободу тонкой вязью, а на внутренней стороне была надпись, к которой Лира за месяц так и не нашла подхода.

— Ты пробовал её читать?

— Пробовал. — Костиэль взял кольцо, повернул, и Лира впервые увидела, как его пальцы делают что-то неуверенно. — Это не тёмноэльфийский. Мать говорила на нём, но писала иначе. Другой счёт, другой порядок знаков. Я вижу буквы и не вижу слов.

— Какой порядок?

— В тёмном письме знак читается по тому, что стоит слева. Здесь — по тому, что снизу. — Он вернул кольцо. — Ты носишь его полгода и никого не спросила.

— Спрашивала, — сказала Лира. — Мыкола говорит, читать умеют эльфы. Только не ты.

— Мыкола много чего говорит.

Наверху был вечер, и вечер был душный.

В замке Тёмного Леса не было окон в человеческом смысле — были проёмы, из которых видно лес, и в них теперь стояла жара, как в бане. Закат не гас, а густел: небо из белого делалось медовым, потом красным, потом тёмно-лиловым, и над лесом одна за другой поднимались луны — белая Селена и низкая, тяжёлая Морна, от которой всё вокруг становилось розовым. Стрекот не смолкал ни на минуту. Пахло нагретым камнем, смолой и чем-то из кухни — Мыкола уже гремел посудой, и это было единственное, что за весь день звучало здесь как прежде.

Мурзик ушёл на карниз и улёгся там, свесив хвост.

Фейн вернулся, когда уже садились за стол.

— Я пришёл! — объявил он с порога, хотя дверь ещё не открылась. — С мясом, с хлебом и с новостями. И, к сожалению, не один.

— Что значит «не один»? — спросила Лира.

Фейн посторонился.

Вошла эльфийка. Выше брата на полголовы, светлые волосы стянуты в тугой узел на затылке, дорожный плащ светлого покроя, серые глаза — и на поясе не клинки, а плоская кожаная сумка, набитая так, что углы её топорщились.

— Сиэлинэль Лаэрин, — сказала она. — Посланица Светлого Престола, по совместительству наследная принцесса. Для друзей — Сиэль. — Пауза. — Друзей у меня немного.

— Моя сестра, — сказал Фейн с явным удовольствием. — Шесть дней ехала, чтобы сказать мне, что я бессовестный. Могла бы письмом.

— Письмом ты не проникся бы.

— Письмо я и не стал бы читать.

Она не улыбнулась. Обвела зал взглядом — проёмы, стены, домового, который недовольно сопел над кастрюлей, бесёнка на карнизе. Потом посмотрела на Костиэля.

— Ваше Высочество.

— Здесь не нужны титулы, — сказал Костиэль.

— Привычка. — Она села, не спросив разрешения, но и не так, как садятся просто на место, — скорее как садятся за стол, чтобы выслушать. — Мыкола, верно? Мне говорили, у вас тут домовый. Я думала, врут.

Мыкола сначала хмыкнул, потом обернулся, посмотрел на эльфийку и замолчал надолго.

Лира смотрела на неё и не могла понять, что чувствует. Неприязни не было. Было такое чувство, когда в комнату входит человек, который знает больше тебя и пока молчит об этом.

— А как Ярина? — тихо спросил Фейн, глядя не на Лиру, а в стол.

— Приедет к концу месяца, — сказала Лира. — У неё практика и академические теплицы.

— Ясно.

И это короткое «ясно» прозвучало так, что Сиэль посмотрела на брата очень внимательно. Потом перевела взгляд на Лиру и что-то себе отметила.

Ужин шёл как ужин: мясо, хлеб, каша, две свечи. Фейн рассказывал про деревню — какая там ярмарка, кто там с кем поссорился, какой кузнец берёт втрое, — и рассказывал так, что даже Сиэль один раз усмехнулась, а Мурзик спустился с карниза и сел к нему на колени, чего Лира от бесенка не ожидала.

А потом Сиэль увидела кольцо.

Лира положила его на стол рядом с чашкой. Серебро блеснуло в свечном свете, и посланица Светлого Престола замолчала на середине чужой фразы.

— Можно?

— Можно. Оно не кусается.

Сиэль взяла кольцо двумя пальцами. Не повернула к свету, не взвесила на ладони — просто подняла к глазам и стала читать.

Читала она долго. Так долго, что за столом стало тихо; даже Фейн перестал болтать без дела. Потом положила кольцо на стол, на прежнее место, — аккуратно, будто оно стало горячим, — и посмотрела сначала на Костиэля, потом на Лиру.

— Где вы это взяли?

— Оно было в этом замке, — сказала Лира. — Мать Костиэля оставила его, когда уходила.

— Нет. — Сиэль покачала головой. — Я знаю этот язык, доводилось встречать в архивах дворца.

— И что там написано?

— Не «что». Там написано имя. Не вашей матери. Кого-то другого, кто был до неё. Буквы врезаны изнутри и снаружи одновременно. Так делают не надписи. Так ставят метки.

Фейн перестал жевать.

— Какие метки?

— Те, которые ставят на то, что нельзя потерять. — Сиэль посмотрела на кольцо. — Это не украшение и не наследство, Ваше Высочество. Это печать. И с неё уже снимали один слой.

— Печать, — повторил Костиэль. — На кольце?

— На кольце. — Сиэль подвинула его к середине стола — так, чтобы всем было видно, но так, чтобы не коснуться. — Смотрите. Снаружи тонкая вязь, ей лет двести, не больше. Изнутри рез глубже, и буквы старше на добрую тысячу. Украшения так не гравировать. Так дописывают поверх чужого.

— То есть надпись переписывали, — сказала Лира.

— Дважды. — Сиэль подняла палец. — Первый раз — тот, кто резал. Второй — тот, кто добавлял. И второй оставил своё имя. Оно читается.

— Что за имя?

— Аэлинэль.

Костиэль не пошевелился. Только пальцы, лежавшие на столе, чуть подобрались.

— Так звали мою мать, — сказал он.

За столом стало тихо. Сиэль посмотрела на него, потом на кольцо — и не стала ничего записывать, хотя весь вечер записывала всё.

— Я потому и сказала, что это не её имя, — проговорила она. — Аэлинэль у эльфов — не женщина. Это род. Такое имя переходит от одной к другой, как дом от старшей к младшей. Мать Костиэля была одной из Аэлинэль. Та, что резала кольцо, — второй. И, судя по глубине резца, была и третья, до них обеих.

— Значит, кольцо не её, — сказал Костиэль.

— Значит, кольцо её не было, — согласилась Сиэль. — Её оно стало. Она носила его, оставила в замке и, судя по второй надписи, кое-что на нём пообещала.

— Аэлинэль — это как должность? — спросила Лира.

— Как кровь, — сказала Сиэль. — Должность можно сложить, а имя носят.

— Что именно она пообещала?

Сиэль прочла вслух — негромко, ровно, как читают бумаги:

— «Тому, кто наденет, — дверь. Тому, кто снимет, — долг. Я не сняла».

Она пожала плечами.

— Это не заклинание. Это расписка.

— Попробую перевести, что здесь имелось в виду, — сказала она, помолчав. — «Дверь» — место. «Метка» — то, что её держит. А у того, что за дверью, имени нет: оно берёт чужое.

Мыкола у очага перестал греметь посудой. Тишина сделалась такой, что стало слышно цикад за стеной.

— А под этим? — спросила Лира. — Под вязью. Там имя?

— Там три буквы. — Сиэль посмотрела на неё. — И я их не знаю. Этот язык старше тёмноэльфийского. Так писали до того, как стихии разделили на четыре.

Фейн откинулся на лавке.

— Зачем ты приехала?

— Я ехала, чтобы тебя вернуть.

Костиэль встал. Свеча перед ним дёрнулась и выровнялась.

— Я поищу в записях матери, — сказал он. — Она оставила в замке три тетради, письма и счётные листы. Я читал их, хотел кое-что узнать.

— Что искал?

— Что она обо мне думала. — Он помолчал. — Про кольцо там не было ни слова.

Фейн догнал Лиру в коридоре.

— Слушай. Ярина тебе пишет?

— Пишет. Приедет к концу месяца, когда закроют теплицы.

— Ага. — Он смотрел куда-то в сторону. — Она про меня спрашивала?

— Ты ей написал?

— Дважды.

— И?

— И ничего.

— Значит, напиши третий, — сказала Лира. — Она отвечает не сразу. Она вообще всё делает не сразу: сначала обдумает, потом разложит по полочкам. Но если бы ей было всё равно, она не грозила бы тебе лягушкой на прощание.

— Это была угроза?

— Это было обещание.

— Она тогда сказала, что лягушка будет зелёная, — сказал Фейн. — Я всю зиму думал, почему зелёная, и так и не понял.

— И не надо. Пиши.

Фейн хмыкнул и ушёл к себе, и по дороге, кажется, всё-таки улыбнулся.

Глава 3. Бусина

Ночью они сидели на карнизе — там, где стена выходила на лес.

Стрекот не смолкал, только менялся: ближе к полуночи он делался ровным, как дыхание. От леса тянуло холодом; над дальними деревьями висела багровая Морна, и в её свете серебристая кора казалась медной. Далеко под ними, в щели между блоками, чуть теплилась белая нить — тонкая, как трещина в стекле.

Лира сидела, свесив ноги, и вертела на запястье шнурок.

— Ты всегда носишь этот браслет, — сказал Костиэль.

— Всегда.

— Что это?

— Бусина. — Она повернула запястье к луне. Дерево было старое, тёмное, гладкое от времени. — Память о бабушке.

Он молчал, и она поняла, что Костиэль не станет расспрашивать о подробностях, и сама начала рассказывать.

— Я выросла в деревне на краю Тёмного Леса. Заречье. За рекой — Гарь. Там, за рекой, трава не растёт. Только вереск и пепел, и если набрать его в горсть, он тёплый, хотя после пожара прошло много лет.

Костиэль повернул голову. Медленно.

— И один дуб там всё-таки вырос, — продолжала Лира. — Бабушка говорила: он первый, кто не побоялся. Она срезала с него ветку, выточила вот эту бусину и отдала мне. Мне было шесть. Она сказала: «Дуб помнит. Носи — и тебя запомнит».

— И запомнил?

— Не знаю. — Лира усмехнулась. — Когда она умерла, бусина стала холодной. Это случилось летом. Я тогда решила, что мне показалось.

— А теперь?

— А теперь не думаю.

Костиэль смотрел не на неё, а в лес.

— А огонь? — спросил он. — Ты управляешься с огнём легко. Для человека — слишком легко.

— Бабушка учила. — Лира пожала плечами. — Она говорила: огонь не спрашивают, где ему место, — его слушают, где он сам хочет быть. Она вообще учила слушать. Всё: стихи, ветер, людей. Я в Академии первые два года думала, что это деревенские глупости. А потом меня послали на практику, и я села перед твоей пентаграммой и поняла, что бабушка учила меня читать как раз для таких случаев...

— Поэтому ты её и смогла закрыть.

— Может. — Лира помолчала. — Она ещё заставила меня пообещать, что за реку я не пойду. Никогда. Я обещала.

— И нарушила.

— Первый раз — в девять. — Она улыбнулась. — Второй — когда ректор вручил мне бумаги и сказал: практика в замке Тёмного Леса. Я стояла и думала про бабушку и про то, что обещания она не забудет. А потом всё равно поехала.

— Почему?

— Потому что нельзя было не поехать. — Лира повернула к нему голову. — Тебе это знакомо.

Костиэль молчал. Потом протянул руку и очень осторожно — кончиками пальцев, как трогают горячее, — коснулся бусины.

— Тёплая, — сказал он.

— Она всегда тёплая, когда рядом огонь.

— Рядом не огонь.

Ли́ра посмотре́ла на него. Он был близко — ближе, чем за все три месяца прошлой практики, — и в тёмно-фиолетовых глазах, с вертикальным зрачком, отражалась багровая луна. Она подумала, что за весь вечер он ни разу не назвал её практиканткой, и что это, пожалуй, важнее половины того, что он говорил.

Он потянулся к ней.

Ли́ра почувствовала под пальцами, как на запястье Костиэля бьётся пульс — и как под тонкой кожей, там, где должна была быть одна только кровь, что-то отозвалось светлым. Как в подземелье. Как вздох.

Он отстранился сразу. Резко.

— Не сейчас, — сказал он.

— Это оно?

— Да.

— Оно ревнует?

Он не засмеялся. Смотрел на своё запястье, и в голосе было что-то, чего Ли́ра не слышала у него даже в бою на поляне.

— Оно смотрит, — сказал он.

— Куда?

— Туда, где ты. — Он говорил тихо, как говорят про больного в соседней комнате. — В подвале оно мигнуло, когда ты взялась за нить. Сейчас — когда я взял тебя за руку. Оно не сердится, оно не умеет сердиться. Оно узнаёт.

— Что узнаёт?

— Своё.

Нить нашла её раньше, чем она проснулась.

Ли́ра открыла глаза от скребущего звука. Мурзик драл дверь — не играл, а драл с той упрямой злостью, с какой сдирают обои. Она села, скинула одеяло, и увидела: по полу комнаты, от двери к кровати, шла белая нить. Тонкая, чуть светящаяся. Она обошла ножку стула, обогнула брошенную мантию, обогнула вторую ногу стула — и остановилась в шаге от кровати, там, где Ли́ра спала.

Мурзик сидел на ней задними лапами и грыз. Из-под лап летели искры, как от кремня.

— Не трогай, — сказала Ли́ра. — Ещё отравишься.

Мурзик посмотрел на неё с достоинством, но не отпустил.

Ли́ра натянула мантию поверх рубашки, переступила через нить и пошла по ней — в коридор, по винтовой лестнице, вниз, туда, где пахло временем и не сохло пятно.

В подвале ничего не изменилось и одновременно изменилось всё. Нити от пятна по-прежнему собирались в пучок у стены и уходили в щель, к лесу. Но теперь от них появилась вторая ветка — она поднималась по швам кладки, шла вдоль всего замка, через зал, через коридор, и, судя по всему, дальше по лестнице, к её двери.

— Здесь должна быть какая-то закономерность, — сказала Ли́ра вслух.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.